

Александр Сидоров

Ловец духов

Александр Сидоров

Ловец духов

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Сидоров А. В.

Ловец духов / А. В. Сидоров — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Души тех, кто принял насильственную смерть, скитаются по земле, следуя за человечеством сквозь века. Они питаются невидимой энергией наших переживаний и чувств, дабы однажды накопить достаточно сил покинуть этот мир. Некоторые из них торопятся – мы называем их призраками. И только Ловец духов может остановить тех, кто несёт людям страх и ужас. Но что будет, если Ловец духов однажды предаст свою миссию? Что случится, если череда событий и новых знаний заставит его поменять отношение к призракам? Что сможет изменить неожиданная противоестественная любовь? Окунитесь в завораживающе-леденящий омут мира потерянных душ!

© Сидоров А. В., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Я нашел это место сразу. Он лишь едва присыпал тело песком, и рука со сведенными смертельной судорогой пальцами всё ещё сжимала увядший пучок травы.

Солнце показалось из-за горизонта, и горячий как лёд зелёный луч разрезал предра-светные сумерки. Туман с тихим шелестом полз по девственной глади берега. Узкие суетливые волны самоотверженно гнались за утренним бризом. Повеяло тиной, сыростью и запустением. Луч выбрался на берег, стряхнул с себя капельки солёного сока и, крадучись, посеменял в сторону зарослей.

Я молил его, чтобы этого не произошло, но он таки коснулся перепачканных песком подушечек пальцев, и рука нелепо зашевелилась. Золотистое свечение окутало её, постепенно наполняя мертвенное тело призрачной энергией.

Девушка вскрикнула и села. Заметив меня, она, казалось, что-то мгновенно припомнила и в испуге отпрянула. Я ринулся следом и крепко схватил её за хрупкие, по-юношески угловатые плечики. Она приоткрыла рот в беззвучном крике и отчаянно попыталась вырваться.

– Не бойся меня!

Её взгляд неистово метался вокруг, не в силах сосредоточиться на чём бы то ни было. Я взял её голову в руки.

– Смотри мне в глаза!

Она застонала и отвела взгляд. Её дрожь передалась мне, и я почувствовал острую боль внизу живота. Захотелось взвыть от тоски, захлестнувшей с головой, но я прогнал от себя могильный холодок этого чувства и, стиснув зубы, требовательно выдавил:

– Посмотри на меня!

Я встряхнул её и на мгновение глаза девушки оказались против моих. Безумный взгляд маленького затравленного зверька... О, Боже!

Впрочем, этого было вполне достаточно.

Я не отпускал её, пока ветер не разметал пыльцу призрачной энергии. Мои руки сомкнулись.

– Спасибо, – раздался сзади тихий шёпот. Ощущение, похожее на лёгкое прикосновение томного полуденного ветерка, словно дружеское похлопывание, возникло между лопаток. Я устало опустил голову и хотел сказать Лауре что-нибудь тёплое, поблагодарить, в конце концов... но как всегда передумал.

– Ты всё ещё веришь, что если они не увидят своего тела, то обязательно попадут в рай? – я обернулся, готовый испепелить взглядом говорившую. Из-за кустов вышла Джонника, оправляя одежду, словно была там по нужде.

– Я не думал, что призраки могут...

– Она на самом деле может, – участливо прокомментировала Лаура.

– Если захочу...

– Если сильно захочет.

– Но проблема в том, что я никогда не хочу! – и они обе звонко захохотали. Как малолетние школьницы, в самом деле!

– Я когда-нибудь убью вас обоих! – хотелось добавить словечко покрепче – невинный розыгрыш почему-то окончательно вывел меня из себя – но, по большому счёту, это не стоило усилий, ибо не имело никакого значения. Ни для кого...

– А мы и так уже мертвы, – придурковато потупилась Джонника, демонстративно покусывая ноготок. Порою на поворотах её заносило не меньше моего, и тогда уже ничто не могло остановить этого призрака!

– Ты в этом уверена? – я стремительно поднялся и ухватил её за узкий подбородок.

Она прикрыла глаза своими прозрачными ладошками и коснулась расплывающимися в улыбке губами кончика моего носа.

Я приснул. О да, я был вне себя от ярости! Рассвирепел, вскипел так, что готов был взорваться в любое мгновение. Как же я ненавидел её, их всех... или презирал. Презирал так, как презирают тех, кто совершил самый низкий поступок, какой только можно содеять на том и этом свете.

С другой стороны, впрочем, они были безразличны мне, ибо просто тени... а ещё, потому что я мог избавиться от них в любой момент. Они-то и оставались здесь лишь для того, чтобы тоска одиночества и печаль о несбывшихся судьбах таких вот несчастных, как эта утренняя девушка, не сильно печалили в ежедневных рейдах. К тому же мне нравилось считать себя благодетелем.

«А вот это уже действительно мерзко!» – подумал я, передёрнул плечами и выругал себя последними словами.

Впрочем, укоры совести, по сути, мне тоже уже давно стали безразличны... Равно как и весь этот суетливый мир!

Пока я беспомощно барахтался в привычном омуте внутренних переживаний, перемежавшихся то стужей ярости, то жаром равнодушия, Джонника едва сдерживала себя, чтобы буквально не застонать от удовольствия. Я сжал руки на её талии, дабы сделать больно, но она лишь откинула голову назад и затряслась всем своим полупрозрачным телом в беззвучном истеричном хохоте.

Миг спустя балагурка уже висела у меня на шее, наиграно делая вид, что пытается восстановить дыхание. Она неподражаема в том, что касается дурачеств.

– Я люблю тебя, мой ловец, – вождельно пролепетала Джонника, и я с омерзением оттолкнул её прочь. Она «споткнулась» о мёртвое тело и, упав, шизофренически громко рассмеялась. Казалось, её идиотическим шалостям на грани безумия не будет конца.

На мгновение поддавшись мимолётному приступу отчаяния, я с надеждой бросил взгляд на Лауру. Та всё ещё сидела, поглаживая окоченевшие пальцы девушки. Казалось, она была совершенно отрешена и полностью поглощена сим, несомненно, в высшей степени «увлекательным» действием, и только по едва заметной, робкой улыбке, намёком на гримасу застывшей на кончиках её губ, я понял, кое-что из моего невольного выплеска эмоций перепало и ей.

Хотим мы того или нет, но призраки, которые неотступно следуют за нами сквозь века на протяжении всей истории существования человечества, питаются энергией чувств, той, которой мы так щедро порою разбрасываемся. Так уж устроен этот скаредный мир, что ничто не может быть истрачено напрасно... Однако зачастую им этого кажется мало. В таком случае призраки неволят несчастных и силком заставляют делиться с ними. Для этого в их арсенале есть множество способов!

Если человек умирает насильственной смертью, то чем более мучительными были последние мгновения его жизни, тем меньше энергии остается душе, дабы воспарить к небесам. Словно воздушные шарики без воздуха, заблудшие души призраков скитаются по земле, пока, со временем, не находят способ восполнить потерю. Но тогда уж лучше бы они вообще никогда не появлялись на этот свет!

Я умею остановить их.

– Он вернётся, – задумчиво произнесла Лаура. – Они всегда возвращаются.

Я знал это наверняка, равно как знал, куда клонит призрак, и потому сказал, чтобы она ни о чем таком даже и не думала.

Когда мы вернулись к пристани, Малыш Эдди уже был там. Возраст этого «малыша» составлял, полагаю, больше тысячи лет или около того, и вне всяких сомнений этот призрак мог принять практически любую форму по своему усмотрению, но ему нравилось оставаться таким, каким он был на момент своей гибели. Дивная сентиментальность, свойственная умудрённым опытом, не так ли?

Мальш вежливо, но дипломатично сухо, приветствовал нас и отошел чуть-чуть в сторону. О нет, он нисколько не боялся меня, скорее просто гнушался. Я вообще не был уверен, что смогу справиться со столь матёрым призраком. К счастью, у нас было соглашение, своего рода паритет. Эдди мог ошиваться в «местах боли» – больницах, питаясь страданиями пациентов и бросовой энергией родственников. Он не спешил, в отличие от других, ибо точно знал, что рано или поздно, так или иначе непременно добьётся своего. Возможно, именно эта основательность сослужила ему хорошую службу на протяжении прошедших веков.

Вне всяких сомнений, я был далеко не первым ловцом духов, с которым Мальш заключил своё соглашение. Это холодило безмерно! Пожалуй, в чём-то я даже боялся его, но всегда ставил в пример другим, подспудно опасаясь, как бы однажды он не догадался обо всём и невзначай не пришёл за мной. Так было и в этот раз.

Эдди взглянул на меня и по-детски добродушно улыбнулся, а потом едва уловимо подмигнул. Он дал понять, что знает всё, о чём я переживаю в данный момент, поэтому мне поспешно пришлось убеждать себя в обратном.

Наивно и глупо, но в противном случае надо было бы что-то решать немедленно, а я не чувствовал в себе сил даже для того, чтобы как следует разозлиться. Всё-таки общество призраков изматывает беспредельно, да и вообще это далеко не самая достойная и жизнеутверждающая компания для утреннего моциона. Впрочем, другой у меня никогда и не было, разве что беспросветно когда-то, в туманном позавчера, где-то на краю воспоминаний или, быть может, только грёз...

– Она не увидела своего тела? – зачем-то спросил Эдди, как будто это действительно хоть сколько-нибудь заботило его. Я окинул призраков ненавидящим взглядом, натужно засопел, но, дабы не дать новой жизни давешнему балагану, так и не ответил.

О да, это он наградил меня этой совершенно бредовой идеей о небесах, куда попадает нежить, если только перед развоплощением жертва не увидит своего мёртвого тела. Я хотел бы верить в благородные сказки былых времён, но совершенно точно знал, да что там знал, чувствовал, понимал, ведал, что распыляю их души в ничто.

Наверняка таким образом он просто потешался надо мной. У меня практически не оставалось сомнений, и однажды я собирался непременно сказать ему об этом, однако Лаура и Джонника постоянно болтались где-то рядом и, верно, превратили бы любой серьёзный разговор в фарс. Я не хотел этого, хотя сам не раз проклинал собственную нерешительность и, чего таить, в итоге всё равно – ограниченность.

– Как охота, Мальш? – Лаура посадила его себе на колени, уложив хрупкую детскую головку на грудь. Он поддался без тени смущения, даже позволил пригладить непослушные нежно-соломенные локоны, мерцавшие ореолом серебристой дымки. Святая невинность, Дева Мария с младенцем, как же, как же...

Эдди изучающим взглядом окинул Джоннику – мерзкое ощущение, как будто заглотнул и выплюнул её обратно, – и с тонкой иронией пролепетал:

– Не хуже, чем ваша, милейшие!

Он снова лукаво подмигнул мне, и я готов был возненавидеть его за это, но твёрдо верил, что в этот раз непременно должен держать себя в руках, иначе не ровен тот час, когда призраки не побрезгуют снизойти до труда растерзать меня на месте. При всех сложившихся обстоятельствах не стоило забывать, что в пищевой цепочке мы продолжали оставаться рядом, но никак не вместе.

Джонника иезуитски улыбнулась словам Мальша и зажала между пурпурных губ тонкий ноготок указательного пальца.

– У-ру-ру! – сказала она и театрально отвела взгляд.

Мне нравилось, когда она так делала. В эти минуты меня безумно влекло к ней.

Отпечаток солнца окончательно выполз из-за горизонта. Эдди как-то по-старчески пошурился, недовольно повернув к выцветшему диску своё молоджавое личико, встал и, деликатно распрощавшись, в один миг растворился в утренней стуже. Я ещё раз ужаснулся мысли о том, что, возможно, однажды буду вынужден что-то предпринять по отношению к нему.

Проклятые ужимки, проклятая манера говорить... Конечно же, я должен буду просто убить его!

– Не торопи время, охотник, – послышалось сзади дуновением ветра. От одного холодного насмешливого тона, с которым прозвучали эти слова, сердце непроизвольно ушло в пятки. Я стремительно обернулся, но, стоило ли сомневаться, там уже никого не было. Именно за такие выходки я и ненавидел призраков больше всего.

– Неужто наш бравый охотник наделал в штанишки? – Джонника исполнила охальный жест и в очередной раз залиvisto расхохоталась. Я бросил на неё свой самый злобный взгляд, на какой только был способен, но потом устало отмахнулся и пошёл прочь.

Джонника была младшей среди призраков, которым я имел неосторожность позволить ошиваться со мной. Пожалуй, ей было не более сотни-полутора сотен лет, но, надо понимать, умирала она исключительно тяжело. Пострадал ли при этом её рассудок или Джонника и прежде была такой, трудно утверждать однозначно, тем не менее, её помешательство не вызвало сомнений, будучи чем-то таким же очевидным как то, что день сменяет ночь или что за летом неизбежно следует осень.

Порою в пылу какого-нибудь очередного особо безумного дурачества она называла Лауру «мамой» и та обычно при этом впадала в холодный ступор. Выглядели... нет, лучше сказать, предпочитали выглядеть они как сёстры – одинаково молодо, хотя для призраков, понятное дело, это исключительно вопрос личных предпочтений. Даже чертами лица они чем-то напоминали друг друга, разве что Лаура казалась немного старше или, точнее, более женственной.

Однако, насколько мне известно, их родство не являлось кровным, это, несомненно, было нечто большее, куда большее! Джонника – «истинный демон», другими словами, она приняла смерть от нежити, в течение долгих лет регулярно питавшейся её энергией. И я готов съесть собственные ботинки и пальто в придачу, если это была не Лаура!

Когда я нашел Лауру, как призрак она была практически бессильна. Я оставил её только потому, что знал, за ней охотится демон! Тогда я впервые изведаль об их существовании, по крохам собирая информацию о сущности и повадках, и с изумлением понял, что призраки по отношению к истинным демонам находятся в ещё худшей ситуации, чем люди по отношению к ним. По крайней мере, у призраков нет ровно никакой возможности игнорировать демонов.

Потом пришла Джонника. Она поклялась, что будет паинькой, если только я позволю ей быть рядом с Лаурой. В любом случае тогда я ещё ни о чём не догадывался, да и она была безнадежна настолько, что ей удалось убедить меня. Трудно сказать, почему, но за этот шаг прочая нежить возненавидела её даже больше, чем меня когда-либо прежде. Разве что Эдди со свойственным ему хладнокровием относился к Джоннике ровно и бесстрастно переносил любые её дикие выходки.

– Чёрт подери, пора на работу, – произнёс я, с ненавистью разглядывая стрелки на циферблате часов. Не то, чтобы компания призраков доставляла мне удовольствие, да только среди людей зачастую становилось и вовсе невыносимо.

– Побудь с нами ещё немного, прошу, – я знал, что Лаура говорит искренне, равно, как знал, что они любят греться у огонька моих чувств – вряд ли когда-нибудь мне удастся добиться бесстрастности как достаточной безупречности в своём ремесле. Что ж, оставалось полагаться на то, что они всего лишь пользуются продуктами моей жизнедеятельности, не более того.

Я сравнил их с жуками-навозниками, и обоим такое сравнение очень понравилось. Джонника тут же не упустила возможности изобразить весь процесс перекачивания экскрементов

так, как себе представляла. Чего таить, вышло даже очень забавно. Я рассмеялся, и она мгновенно очутилась у меня на шее. Лаура улыбнулась, прижавшись плечом.

Утро, полноправно вступившее в свои права, утопило город в грязно-желтой дымке. Серый бетон и рыжий песок, сонные палевые тени по закоулкам и тяжелые тёмно-синие обложные тучи, почти сомкнувшие грозные объятия вокруг затасканного диска солнца.

– Сегодня будет дождь, – безучастно проговорил я и встал, наконец-то собрав воедино остатки воли и сил. Вот только стоило ли стараться?

– Я сбегая за зонтиком, – опрометчиво предложила Джонника и с невинной улыбкой потупилась, очевидно, представив зонт, беззаботно парящий вдоль улиц города.

Я представил то же самое.

Впрочем, беспокоиться было особо не о чем. В этом инфантильном местечке вряд ли можно было найти человека, который всего на мгновение отвлётся бы от своих мелких корыстных мыслишек, заплывших самообожанием и самобичеванием, что, по сути, одно.

Да и в этом случае сомневаюсь, что у кого-нибудь осталась доля любопытства, интереса к происходящему вовне, хотя бы элементарно сама возможность удивляться. Единственное, на что были способны людишки, так это на то, чтобы бояться: бояться завтра и вчера, сегодня и вечности, неба над головой и земли под ногами, а ещё, конечно, друг друга. Страх стал настолько универсален, что с лихвой заменил все чувства разом ... и до жути противно было ощущать себя одним из них, таким же «человечишкой»!

– Лаура, проследи, чтобы ничего подобного не произошло, – попросил я безучастно, просто так, на всякий случай, и направился в сторону набережной, язвительно перебирая нелестные эпитеты по отношению к взрастившей меня цивилизации.

С другой стороны, в этот раз она тут была не то, чтобы совершенно не причём, но скорее это усталость говорила во мне и, ставшая уже привычной, осенняя слабость. Я чувствовал бессилие, телесное и моральное, и оттого становилось ещё противнее. Дабы окончательно не раскиснуть, необходимо было процедить какой-нибудь оптимистичный лозунг, пускай заезженный, но хоть сколько-нибудь жизнеутверждающий, изобразить на физиономии не слишком отталкивающее подобие приветливой мины и идти на службу.

На лестнице я едва не столкнулся с отёчным, будто медуза, мужчиной в линялом бежевом плаще неказистого покроя. Он внезапно налетел на меня, появившись словно из ниоткуда, а потом ещё долго враждебно-подозрительно сверлил взглядом спину.

У него были неприкаянные беспокойные глаза, нехорошие глаза – по-другому не скажешь. Я с омерзением чувствовал это затылком, пока не передёрнул недовольно плечами, дабы избавиться от тошнотворных щупалец его болезненного внимания. Непроизвольно пришла мысль, что мне доставило бы изрядное удовольствие понаблюдать, как мои девчонки поиграют с этим пренеприятнейшим типом. Особенно Джонника – она-то, верно, знала, как позабавнее человека наизнанку вывернуть, тем более, такого экземпляричка как этот, у которого, поди, и своих «тараканов» дави не передавишь!

Я всё ещё с садистским наслаждением смаковал эту занозой увязшую в сознании мысль, когда услышал дикий истошный вопль, который адреналином разорвал пугливую мышцу сердца. В глазах потемнело, а мир вокруг покачнулся и в недоумении поплыл всеми цветами радуги.

«Какого черта! – злобно прошипел я и едва не захлебнулся от яростного бешенства, сменившего секундную растерянность. Растерянность – это отвратительное чувство всегда вызывало у меня бурю отрицательных эмоций. – Кто посмел?!»

Взорвавшись чёрным смерчем, я понёсся обратно. Чудом не свернул себе шею на лестнице. Скорее туда! Перемахнул через перила. Туда, туда, где я их оставил. Паршивки нетленные!

У причала я, как и ожидал, обнаружил только одного призрака, но им, на удивление, оказалась Джонника. Она беспомощно развела руками, смущённо и несколько виновато потупилась. При этом полоумная улыбка гримасой продолжала красоваться среди неизвестно откуда проклюнувшихся красивых благородных черт.

Я видел её всего мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы распознать что-то сродни заинтересованности. Такая заинтересованность, будучи редкой, как снег летом, прозрением возникает у пожилых людей, многое повидавших на своём веку, но, наконец, дождавшихся чего-то такого, что можно было бы смело добавить к неизмеримому опыту прожитых лет.

О да! Она буквально пылала этой «заинтересованностью», плохо скрываемой за обычной маской. Нет, не то спонтанное «здесь и сейчас», которому беззастенчиво предавалась Джонника изо дня в день, дурачась по поводу и без оно, но нечто вроде монументального «здесь и навсегда», дыхания вечности, разбудившего проклюнувшееся из беспомысленности существо со столетней историей...

– Убью, нежить! – зло прорычал я, скидывая опостылевшее пальто, полами обвивавшее непослушные ноги и сковывавшее движения.

По песку бежать было чрезвычайно тяжело. Словно во сне, конечности отказывались слушаться меня. Слишком медленно. Хотелось упасть на четвереньки и взвыть от беспомощности, но я обязан был остановить это! Ещё шаг, срывая дыхание... О, если бы я только мог вырваться из оков ставшего обузой тела!

Небо разразилось одиноким раскатом грома.

Когда я оказался на месте, стало очевидно, что уже слишком поздно. Лаура пинала безжизненное тело мужчины и безутешно молила, чтобы тот «ещё немного испугался». Всё то время, что она пребывала в зоне моей видимости, преступница продолжала бессмысленные в отчаянии попытки, то и дело косясь короткими безумными взглядами в мою сторону. Она знала, что я собираюсь сделать. Это было понятно и мне!

Когда я оказался достаточно близко, она безнадежно бросилась в ноги и принялась лепетать нечто невразумительное. Будто ей осталось совсем немного, что человек в плаще, если не пустота его души, стал бы последней каплей для того, чтобы она смогла воспарить, и ещё что-то в том же духе.

– Я тебе покажу «воспарить»! – пролаял я, накинувшись на неё сверху. Она ловко увернулась и показала одно из своих самых страшных облиций. Если бы я не был готов к чему-то в таком духе, к сопротивлению с её стороны, верно, сердце моё уже бы стояло. В прыжке мне удалось достать Лауру и, ловко подобрав под себя, сгрести призрачное тело в охапку. За волосы я оттянул её к дереву, у которого лежал труп мужчины, и прижал затылком к шершавому, почерневшему от времени, стволу.

Лаура молила о пощаде, вырывалась и билась в истерике, и лишь за мгновение до того, как мой взгляд впился в её глаза, она внезапно успокоилась, расслабилась и что-то невнятно пробормотала. Я не расслышал слов, поскольку лицо её золотистыми искрами рассыпалось у меня в руках. Осознание призрака растворилось в пустоте Вселенной, но мне казалось, что я всё ещё вижу её всепрощающую улыбку...

Внезапно сзади налетела Джонника. Она сбила меня с ног и упала на колени перед горстью таящих искр – тем, что осталось от Лауры. В отчаянии она пыталась сгрести их в кучу, но ветер неумолимо забирал огоньки один за одним. Я смотрел, ещё не в полной мере осознавая происходящее, когда Джонника вдруг оказалась совсем рядом. В этот раз я действительно испугался. Страх, как это ни странно, лишь придал сил.

– И ты того же хочешь! – вопил я, в борьбе прижимая её к земле.

Недолго думая, нежить швырнула мне в лицо горсть песка и нанесла сокрушительный удар, начисто лишивший сознания.

Когда я пришёл в себя, она сидела невдалеке под деревом, поджав острые колени к самой груди, и затравлено смотрела куда-то в сторону моря. Она знала, что её черёд следующий – я бы ни за что не простил такой проступок, и, похоже, она уже успела смириться с этим. Впрочем, убежать в любом случае было бесполезно...

Однако на сей раз произошло что-то странное. Апатия накатила тяжёлой волной и пресом сдавила грудь. Я готов был расплакаться, хотя никогда прежде не испытывал по отношению к призракам каких бы то ни было достойных чувств. Потерянность и пустота характеризовали моё нынешнее состояние как нельзя лучше.

Я сел рядом с Джонникой. Она испугано и с нескрываемым отвращением отодвинулась.

– Я не трону тебя, – сказал я сухо, даже как-то бесцветно, и подивился ледяному тону собственного голоса.

– А ведь это был тот самый извращенец, «песчаный маньяк», – с ненавистью выпалила она, сверкнув откровенно недоброжелательным взглядом. Потом, угаснув, через время грустно добавила: – На самом деле Лаура просто хотела, чтобы ты увидел её восхождение, иначе она никогда не решилась бы... Ты понимаешь, ловец, никогда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.